

Наша революція и разруха многому насъ научили и заставили насъ произвестн переоцѣнку многихъ цѣнностей. Такая переоцѣнка должна быть произведена русскими патріотами и по отношенію къ тѣмъ странамъ, которыя, казалось, проводили въ своей внѣшней политикѣ начала правды, справедливости и свободы.

Международная политика всѣхъ странъ вообще преслѣдуетъ національныя цѣли, хотя часто эти цѣли перекрашиваются въ совершенно другой цвѣтъ. Все настоящее смутное время въ Европѣ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что горе той странѣ, которая понадеялась бы на какія либо альтрустическія чувства и идеи Великихъ Державъ. Такая страна быстро потеряла бы свою политическую и экономическую независимость и превратилась бы въ покорный рынокъ этихъ державъ. Великая война больше, чѣмъ какая либо другая, показала, что въ конечномъ счетѣ рѣшающимъ факторомъ побѣды является экономическая выносливость или стойкость страны. Этотъ опытъ учтены соперничающими державами и между ними идетъ упорная борьба въ сферѣ экономическихъ интересовъ. Борьба за колоніи время Родса — кончена, но тотъ же экономическій матеріализмъ работаетъ лишь въ другой формѣ. Въмѣсто набѣговъ д-ра Джемсона или колониальной войны съ бурами, англійскій имперіализмъ дѣлаетъ биржевые и другіе набѣги съ цѣлью захвата контроля надъ нефтяной промышленностью, угольною торговлею, пароходнымъ дѣломъ и проч. Лично меня эти факты изъ жизни лондонскаго Сити, которые мнѣ ежедневно приходится наблюдать, нисколько не возмущаютъ, какъ не могутъ меня возмущать явленія природы. Я стараюсь лишь понять ихъ и научиться изъ нихъ кое чему, чтобы въ послѣдствіи внести свою небольшую ленту въ строительство Великой Россіи.

Книга Б. Уильямса о Родсѣ написана весьма живо и, можно сказать, безпристрастно. Авторъ рисуетъ портретъ Родса широкими, реалистическими мазками. „Вы можете ненавидѣть его, съ отвращеніемъ смотрѣть на его дѣянія . . ., но вы не можете игнорировать его“, — говоритъ авторъ о Родсѣ. И я еще разъ хотѣлъ бы подчеркнуть, что Родсъ не умеръ для Англии, онъ живъ, хотя и скрывается за нѣсколько иными фигурами и за новой фразеологіей современныхъ государственныхъ дѣятелей Англии. Но кто хочетъ увидѣть, что дѣлается въ англійской политикѣ, тамъ, за „дымовою завѣсой“, тотъ увидитъ старую фигуру Сесилия Родса. Игнорировать Родса, отмахиваться отъ него крѣпкими эпитетами изъ радикальнаго словаря, — значило бы не понимать современнаго течения англійской политики, хотя бы въ одномъ частномъ, но, весьма близкомъ намъ вопросѣ, — въ вопросѣ о большевикахъ, о балканизации Россіи и, наконецъ, о Великой Россіи.

Б. П. Кадомцевъ.

3. Simon Sagorsky. La république des Soviets (Bilan économique). Paris. Payot. 1921, стр. 348.

Проф. Загорскій выполнилъ тяжелую и неблагодарную работу: собралъ изъ совѣтскихъ повременныхъ изданій свѣдѣнія и цифры, рисующія состояніе русскаго народнаго хозяйства во время большевистскаго владычества, и привелъ ихъ въ нѣкоторую систему, дающую возможность неподготовленному читателю познакомиться съ эволюціей и современнымъ состояніемъ совѣтской экономикн. Большой томъ въ 348 страницъ послѣдовательно трактуетъ о коммунистической экономической политикѣ, состояніи производства, транспортѣ, положеніи труда, финансахъ и, наконецъ, о социальныхъ послѣдствіяхъ коммунистической системы. Основными вопросами, на которые пытается отвѣтить книга Загорскаго, являются слѣдующіе: 1) представляетъ ли

совѣтская система въ отношеніи производства, обмѣна и распредѣленія хозяйственныхъ благъ высшую, болѣе производительную и болѣе рациональную систему, чѣмъ всякая другая; 2) Удалось ли совѣтской республикѣ поднять технической уровень и повысить производительность труда; 3) Увеличилось ли количество продуктовъ, т. е. увеличилось ли народное богатство Россіи со времени вѣдранія совѣтскаго режима; 4) Достигнуто ли болѣе рациональное для широкихъ массъ населенія распредѣленіе продуктовъ первой необходимости.

Книга Загорскаго даетъ отрицательный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Въ заключительной части своей работы Загорскій приходитъ къ выводу, что коммунистическая система привела русское народное хозяйство къ ужасающей деградации и не смогла преодолѣть буржуазнаго уклада жизни: на смѣну уничтоженной буржуазіи сформировалась, подъ вѣвѣской коммунизма, многочисленная мелкая и средняя буржуазія.

Мы назвали выше трудъ Загорскаго неблагодарнымъ, имѣя въ виду, что пользование совѣтскими матеріалами крайне затруднительно, вслѣдствіе поразительнаго разнорѣчія, неполноты и пестроты этихъ матеріаловъ и вслѣдствіе понятнаго стремленія большевиковъ давать возможно меньше поводовъ къ сравненію современнаго русскаго хозяйства съ военнымъ или, тѣмъ болѣе, съ довоеннымъ. Не смотря на всѣ эти трудности, преодолѣть которія автору не вполне удалось, проф. Загорскій даетъ читателю яркую картину современной русской „безхозяйственности“. Приходится только пожалѣть, что авторъ не далъ болѣе матеріаловъ для сравненія настоящаго положенія съ мирновременнымъ. Кромѣ того, намъ кажется, что слѣдовало бы болѣе освѣтить состояніе сельскаго хозяйства и эволюцію совѣтской земельной политики. Мы не можемъ здѣсь заниматься подробнымъ разборомъ достоинствъ и недостатковъ интересной книги Загорскаго, скажемъ только, что основнымъ ея недостаткомъ считаемъ планъ и систему изложенія. Мы полагаемъ, что авторъ долженъ былъ бы въ самомъ построеніи книги стремиться въ большей мѣрѣ къ выявленію *взаимодѣйствія* отдѣльныхъ экономическихъ факторовъ, приведшихъ большевиковъ къ мертвой хозяйственной петлѣ, чѣмъ къ исчерпывающему собиранію разнокалибернаго матеріала. Читатель ясно видитъ изъ книги Загорскаго, что совѣтская власть обанкротилась, но не вполне уясняетъ, почему это произошло, или, вѣрнѣе, каковъ тотъ внутренній механизмъ, благодаря которому оказалось пораженнымъ и уничтоженнымъ все хозяйство огромнаго государства. И не то, чтобы для пониманія этого механизма въ книгѣ Загорскаго не было матеріала, а просто отсутствуетъ въ расположеніи наличнаго (очень богатаго) матеріала надлежащая перспектива.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе. Изъ книги уважаемаго автора трудно извлечь отвѣтъ на самый основной, самый больной вопросъ современности: является ли дѣйствующая въ Россіи „механика“ разрушенія только слѣдствіемъ преждевременности русскаго „опыта“ и экстраординарной неумѣлости и неподготовленности лицедѣевъ русской драмы, или же корень лежитъ глубже: въ несомнѣнности хозяйственной дѣятельности съ уничтоженіемъ „автономіи“ личности, хозяйственной инициативы и хозяйственной ответственности?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить вполне определенно, что русскій опытъ даетъ богатѣйшій матеріалъ для сужденія о человеческой природѣ и двигательныхъ силахъ хозяйства вообще. Соціалистическая система стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ силами, вдохновляющими хозяйство.

Какъ бы то ни было, мы должны горячо поблагодарить автора за его интересную и поучительную книгу!

С. Демосѣеновъ.